

УДК 303.1

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕНКО,

кандидат социологических наук, временно не работает

ЛЕОНИД НИКОЛАЕНКО,

кандидат философских наук, доцент кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Метод и методейя: методологические иллюзии в современной социологии

Аннотация

В статье затронуты вопросы, связанные с анализом социальных и социально-эпистемологических факторов, которые обуславливают методологический кризис в современной социологии. Эта кризисная ситуация способствует формированию методологических иллюзий, которые продуцируют сами социологи и распространяют в социологическом сообществе.

По мнению авторов, к причинам указанного можно отнести связанные между собой принцип релевантности и метод интерпретаций и основанные на них обоих дискурсивные практики. Но несмотря на видимую логическую несогласованность между теориями в социологической науке, можно обнаружить строго упорядоченную социально-эпистемологическую связь, являющуюся следствием внутренней системной борьбы с классической наукой, подчиняющейся законам самой этой борьбы и выстраивающейся по принципу, издавна носящему название методейя.

Ключевые слова: *когнитивное отклонение (девиация), логическое принуждение, метод, альтернативный метод (методейя), методологические иллюзии, методологический кризис, методологический анархизм, классическая наука, неклассическая наука, пост- (нео)классическая наука, культура мышления (культура научного мышления), риторический метод обоснования*

Постановка проблемы

Предлагаемая статья является продолжением двух статей, одна из которых вошла в материалы II Конгресса САУ (17–19 октября 2013 года) [Яко-

венко, 2013], а вторая в 2014 году опубликована в Украинском теоретико-методологическом социогуманитарном журнале “Психология и общество” [Яковенко, 2014].

Согласно диалектической теории познания продуцирование достоверных знаний всегда сопровождается заблуждениями, однако заблуждение отличается от иллюзии тем, что оно постепенно преодолевается через уточнения, дополнительную проверку меры достоверности знаний и т.п., а иллюзии наоборот — имеют склонность к углублению. Данное обстоятельство не может не отражаться на общем состоянии науки. Поэтому не удивительно, что в ней практически с самого начала зарождения существовали две тенденции:

- разработка методов и методологии, обеспечивающих процесс расширенного продуцирования достоверных знаний;
- обратная тенденция, ориентированная на то, что научные знания по крайней мере не всегда полностью отвечают предполагаемым критериям (истинности, объективности, достоверности, точности и т.п.), что ограничивает науку в ее познавательных способностях.

Вторая тенденция выражена в разных так называемых субъективистских течениях вроде скептицизма, агностицизма, конвенционализма и т.п.

Однако ученые в основном ориентированы на опровержение логических погрешностей, присущих субъективистам, но не ставят вопрос глубже: существует ли между различными субъективистскими способами опровержения научных истин социально обусловленное сродство? Ориентируясь на принцип объективности, представители классической науки в подавляющем большинстве почему-то считают, что и субъективисты стремятся к тому же. При таком подходе ошибки, сопровождающие процесс познания, называют заблуждениями, которые со временем можно исправить. Если так, то почему в течение тысячелетий мы наблюдаем тенденцию опровержения уже давно доказанных положений? И не дает ли это основания считать, что продуцирование иллюзий поставлено на поток?

Иллюзия — это:

- **во-первых**, любой субъективный образ реальности, не отвечающий указанным критериям научности;
- **во-вторых**, это склонность искать смыслы там, где их не может быть.

Когда же иллюзии называют заблуждениями, то исходят из того, что они являются результатом случайных логических погрешностей, возникающих в процессе познания, ориентированного на объективно истинное знание.

Но можно ли ставить вопрос о случайной природе иллюзий на фоне сознательных попыток доказывать, что достоверных знаний если и не вовсе не существует, то по крайней мере они не слишком достоверны?

Когда вопрос ставится так, становится понятно, что наряду с научным методом существует еще и метод, скрывающийся за мнимой научностью и реально направленный против любого научного метода. Это своеобразный антиметод.

Напомним, что в диалектике существует понятие обращенной формы. Так вот, обращенной формой научного метода является **методейя**, существующая очень давно, но мало кому известная ныне. Мы хотим обратить на нее внимание всего научного сообщества и социологического в частности и показать, что проблема обоснования научного метода значительно сложнее, чем ее представление в научной и, особенно, в учебной литературе, и что идет системная борьба с научным методом, которую можно понять как свое-

образную **антинаучную методологию**, часто скрывающуюся за мнимой научностью или наукообразием.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых предпринимались попытки решения этой проблемы и на которые опираются авторы, дает основания определить нерешенные ранее аспекты проблемы, которым посвящена предлагаемая статья.

Возникновение так называемой неклассической, а затем и постнеклассической науки — это результат методологии, выраженной в системе иллюзий, овладевших ныне умами многих ученых. Мы же склоняемся к тому, чтобы постнеклассику называть неоклассикой, ведь в действительности имеется завершенный процесс обращения классики в неклассику, и далее можно ожидать следующего шага к возобновлению господства религии над наукой.

А если так, то это уже не сугубо заблуждения, которые со временем преодолеваются, а часть поставленного на поток производства иллюзий, достигшего в наше время невиданных масштабов.

Методейя (древнегреч. *μεθοδεία* — ошибочный путь) — логические ухищрения или логические ловушки, логический соблазн. Итак, методейя — это метод борьбы с научным методом, а шире — с истиной, поскольку являет собой явный или скрытый скептицизм.

Многим покажется странным, но, скажем, позитивизм — одно из направлений такой борьбы. Именно в нем была сформулирована идея дополнить принцип объективности принципом позитивности. Сначала это произошло в обществоведении, а потом перешло в другие сферы научного познания. Позже станет понятно, что это обусловлено победной поступью капитализма. Поэтому не удивительно, что чуть позже утверждается принцип рациональности в смысле ориентации на успех и, наконец, принцип прагматизма, или меркантильности.

Все это — шаги в развитии именно позитивизма, где на смену достоверному знанию как культурному явлению приходит частный субъективный интерес и требование его немедленного удовлетворения.

Если до возникновения позитивизма происходило четкое размежевание между теми, кто признает объективную истину, чем обеспечивает прирост знаний и развитие производственных технологий, и теми, кто ее отрицает, продуцируя заблуждения, то подмена объективности позитивностью оказалась первым шагом на пути к новому разделению ученых на тех, кто стал претендовать на особую классичность — позитивистскую, и тех, кто, по мнению первых, не соответствовал новым методологическим требованиям и оставался так называемым ретроградом.

Теперь “все смешалось в доме Облонских”: классиков начали частенько называть субъективистами, а субъективистов — классиками, новых утопистов стали называть людьми, способными на прогнозы, а людей, которые реально прогнозируют, — утопистами. Основанием для такого рода сдвигов в сознании ученых послужило то, что отныне главным критерием истины считается не общественно-историческая практика, снимающая все противоречия как социального, так и логико-гносеологического порядка, а прагматика, то есть набор социально ориентированных практик, направленных на немедленное достижение успеха, который теперь должны были интеллектуально обеспечивать и ученые.

Бизнес если и заглядывает в историю, то только для того, чтобы удостовериться, как он там себя чувствовал, чувствует или будет чувствовать. Впро-

чем, реальная история в ее логико-гносеологическом значении — это время существования человечества, которое разделено на государства и общества и ищет пути реального культурного развития, а не культурной деградации.

Позитивизм — это прагматический ответ на бизнес-заказ, этот вызов индустриальной эпохи. Как известно, начало позитивизма ознаменовалось открытой защитой так называемых позитивных наук и таким же открытым наступлением на так называемые *общие понятия* (категории), полагаемые в основу обществоведческих наук, которые прежде назывались науками о человеке.

Не секрет, что для такого обвинения основания были, и позитивисты их точно обозначили. Но является ли это достаточным основанием для того, чтобы вообще отрицать общие понятия как методологический хлам? Не являются ли они в целом выражением весьма специфического знания, выходящего за рамки позитивистского представления о позитивном знании?

Скажем, является ли знание о способах синтеза знаний научным знанием? Для позитивиста такой вопрос не входит в предмет позитивной науки, поскольку не обеспечивает немедленного успеха. А между тем синтез знаний, как и системное развитие науки, — это прерогатива так называемых общих понятий, или категорий мышления [Ніколаєнко, 2002]. Борьба с ними в действительности является борьбой с категориальной природой мышления. Поэтому не удивительно, что позитивизм способен лишь на механическое (количественное) накопление знаний, а не на выстраивание их в систему — в целостное научное мировосприятие, если угодно, научное мировоззрение. Такая неспособность скрывается в представлениях о структурах, которые, среди прочего, исключают из поля зрения, например, временное измерение социальных изменений. Мы имеем в виду социальное, а не физическое и даже не историческое время, ведь так называемые мониторинги, в которых задействовано немало социологов, фиксируют изменения исключительно в хронологическом порядке и не исследуют время, определяемое действиями тех или иных социальных субъектов, направленных на контроль за ходом социальной истории.

Социология, не учитывающая социальное время, — это позитивистская социология, иначе она должна была бы ориентироваться в своих исследованиях на принцип историзма.

Как видим, искренняя вера многих позитивистски ориентированных ученых в то, что они признают как принцип объективности, фактически выливается в иллюзию. Это скорее объективизм: не позиция, а поза, которая при декларируемой ориентации на объективность, якобы подтверждаемую методами, заимствованными из природоведения, является сплошным субъективизмом.

Поэтому не удивительно, что в таких условиях возникает ряд конкурирующих между собой течений, которые не могут быть сведены в четко выстроенную логическую систему: речь идет о методологическом анархизме, методологическом кризисе, а следствием такого состояния социологии стала столь же странная, сколь и ошибочная идея синтеза, которую пытается обосновать многочисленная армия социологов во всем мире.

Если внимательно присмотреться, то идея синтеза выходит за рамки существующих расхождений в методах, имеющихся в социологии, ведь ориентация на так называемый плюрализм, который подают как первое приближе-

ние к такому синтезу, на самом деле является призывом к объединению метода с методологией, материализма с идеализмом, науки с религией и т.п.

Цель статьи — показать, что одним из наиболее распространенных проявлений методологии является позитивизм, методологическое обоснование которого, и далеко не случайно, началось одновременно с зарождением социологической науки, а позже вышло за ее границы и проникло даже в те области науки, которые первые позитивисты обозначали как классические, обеспечивающие, по их представлениям, получение абсолютно позитивных знаний.

Итак, прежде всего очертим социальные факторы методологического анархизма в современной социологии, связанные с распространенными в ней методологическими иллюзиями.

Под иллюзией (лат. *illusio* — заблуждение) принято понимать искаженное понимание реальности. Однако иллюзии являются важным предметом познания и для социологов. Дело в том, что сами носители иллюзий интерпретируют их как истину. В результате общество раздваивается на тех, кто знает природу иллюзий, и тех, кто является их носителями, искренне веруя в их истинность. Однако сложность заключается в том, что можно знать способы образования иллюзий и одновременно самому быть носителем некоторых из них, по крайней мере выходящих за рамки определенной профессиональной сферы. Поэтому научный метод можно рассматривать как ряд процедур, ориентированных на освобождение от иллюзий, а методологию, наоборот, — как процедуры их продуцирования.

Скажем, кто-либо начинает высказывать сомнения по поводу научных истин, дескать, это — не более чем конвенции, то есть объективность их весьма сомнительна, тем самым он делает шаг от метода к методологии, поскольку, подвергая сомнению принцип объективности, сам требует от своих читателей верить в то, что именно его доказательство и является объективным. Между прочим, отрицание отдельных научных положений не только не доказывает, что объективных истин вообще не существует, а наоборот, означает шаг к истине: к более полной и более точной истине.

Таким образом, мы хотим обратить внимание на то, что любая иллюзия прежде всего является **самообманом** — проистекающим от субъективно ориентированной интерпретации реальности, осуществляемой по принципу релевантности.

Между прочим, пребывание будь то индивидуального, группового или в целом общественного сознания в иллюзорном состоянии делает невозможным как адекватное социальное поведение его носителей, так и адекватное осознание собственных общественных потребностей, того, каким они хотели бы видеть общество, в котором живут. Кстати, массовое сознание является иллюзорным по определению. Иллюзии — функция отсутствия объективных знаний, место которых они и занимают. Иллюзия — это неудовлетворенная потребность в достоверных знаниях. Ограничение доступа к знаниям обеспечивает воспроизводство иллюзий. Иллюзии методологического порядка отличаются лишь тем, что их носителями являются ученые. Например, если вы социолог и, ориентируясь на реальную потребность в операциональном определении понятий, одновременно ставите под сомнение логико-гносеологическую функцию **общих понятий** в науке, вы впадаете в иллюзии методологического порядка. В таком случае вы являетесь не только носителем такого рода иллюзий, вы становитесь и их заказчиком, и потребителем, и продуцентом.

Социальный заказ на иллюзии — обращенная форма системного социально конкретного заказа на достоверное знание.

Если перефразировать положение основателя агнотологии Роберта Н.Проктора о том, что в обществе существует принуждение к незнанию, например через замалчивание, корпоративную секретность, цензуру, уничтожение документов, мнимую забывчивость или невнимательность, то методей ***может быть понята как система логических приемов, направленных на то же самое принуждение к незнанию.***

Впрочем, Проктор тоже замалчивает реальную социально обусловленную цель своего исследования методов принуждения к незнанию. Он замалчивает то, что, абстрактное толкование такого принуждения как раз и становится еще более изощренным принуждением. Скажем, абстрактное толкование свободы слова давно превратилось в свободу забалтывать проблему реальной свободы и практически — в лишение различных категорий населения самой свободы.

Как видим, противоречивая природа социального заказа крайне эффективна для продуцирования иллюзий, в чем имеются свои профессионалы. Шаманы, клир, представители разного рода лженауки (junk science) используют противоречие между знанием и незнанием для продуцирования иллюзий. Но и ученые не отстают, особенно их новейшая отечественная генерация, которая прошла профессиональную социализацию в постсоветское время.

Не последнюю роль в деле продуцирования методологических иллюзий играют и так называемые неклассическая и постнеклассическая науки. Именно в них вместо реального метода в данное время действует методей.

Особая разновидность методологических иллюзий — это те, которые в основном конструируются в рамках так называемых дискурсивных практик, ведь цель дискурса, в отличие от дискуссии — не достижение истины, а демонстрация социально обусловленных позиций, борьба за доминирование, демонстрация социально определенных значений и т.п. Это доказывают все концепции дискурса, имеющиеся в современной неклассической науке. Возьмем для примера теорию дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, согласно которой социальный мир конструируется в рамках дискурса методом приписывания значений, и становится ясно, что постнеклассика — это не способ опровержения иллюзий, и даже не констатация того факта, что мы находимся в иллюзорном мире, а система утверждений о том, что, помимо иллюзорного, никакого другого мира вообще не существует.

Дискурс — это не дискуссия по поводу поиска истины, это процесс продуцирования иллюзий. Сам дискурс метода в социологии одновременно является и дискурсом методологических иллюзий, и способом продуцирования этих самых иллюзий. Его участники, как правило, уверены, что совместными усилиями ищут истину, а в действительности конструируют аргументы, которыми в борьбе добиваются признания и престижа. Ориентация дискурсантов на признание и престиж превращается в структуру релевантностей или в социально ориентированную конфигурацию дискурса, где обязательным условием становятся взаимные обвинения в некорректных интерпретациях предмета дискурса.

Релевантность, в свою очередь, — это скрытое прагматически ориентированное конструирование реальности, которое (как собственно конструи-

рование) начинает доминировать над истиной, ведь теперь истинной становится сугубо способность социальных субъектов определять возможные изменения в поведении как оппонентов, так и больших масс людей.

А поскольку наука — это социальный институт, то распространение таких иллюзий получает еще и институциональное обеспечение.

Наряду с принципом релевантности ощутимую роль в продуцировании методологических иллюзий играет принцип или метод интерпретации реальности, который в действительности существует уже давно.

Не будет лишним напомнить о софистах Древней Греции и о труде Аристотеля “О толковании”. Аристотель еще не употребляет понятие иллюзии, используя понятия истинного и ошибочного, но уже сама такая постановка вопроса весьма показательна.

Напомним, что в 1955 году в Италии был создан Институт теории интерпретации, в создании которого активное участие принимал *Эмилио Бетти* — один из известнейших теоретиков в этом деле, который определил цель создания данного института: изучать интерпретационные процедуры как средство изменять общественное мнение и поведение людей. Однако понимание интерпретации как средства и попытки отделить истинные предрассудки от ошибочных, — а это мнение разделял, в частности, и Гадамер, — довольно показательны. Бетти и Гадамер отличались только пониманием того, как это сделать [Россиус, s.a.].

Получается, что мы всегда имеем дело с предрассудками, но истинными являются лишь те, которые изменяют поведение людей в заданном направлении.

Показательно здесь высказывание Гадамера, на которое обращают внимание и Бетти, и Россиус: “В действительности я не предлагаю никакого метода, я описываю то, что есть... я считаю, что научным может быть признано лишь то, что есть, а не исходить из того, что должно быть или чего хотелось бы” [Гадамер, s.a.].

Не будем спорить с указанными авторами, однако заметим, что для науки вопрос о том, “*что есть?*” лишь повод для постановки вопроса о том, как “*может быть?*”. Иначе бы в науке не было нужды.

Сама по себе интерпретация (то есть перевод, например, на язык другой методологии) является нормальной логической процедурой. Но когда ее применяют ради приписывания явлениям не свойственных им значений, ориентируясь на принцип релевантности, эти явления на самом деле остаются теми же самыми, но по смыслу превращаются в совсем иные: значимые превращаются в незначимые и наоборот; позитивные — в негативные и наоборот; известные и осмысленные — в незнакомые и неосмысленные и наоборот.

Все это и есть методей в действии.

Еще А.Шюц показал, что существует социальная структура релевантностей [Шюц, 2004], но не объяснил, что она является своеобразным отражением социально-групповой (включая классовую) структуры общества. Поэтому не удивительно, что в мире общественных отношений вообще, а значит, и в научном мире господствует описанный Полем Рикером конфликт интерпретаций [Рикер, s.a.].

Не было бы социальных структур, не было бы и социальных конфликтов. Не было бы социальных конфликтов, не было бы и конфликтов теоре-

тического порядка, которые становятся возможными благодаря тому типу вербальных коммуникаций, который можно назвать интерпретативным.

Конфликт интерпретаций, в свою очередь, стал инструментом продуцирования разного рода дискурсов, в частности дискурса методологии в науке и социологии.

Неклассическая наука невозможна без конфликта интерпретаций, который является одним из практических проявлений методологического анархизма.

Любой дискурс¹ сам по себе является реализацией анархического принципа в вербальных коммуникациях, в том числе по поводу методологии в научном сообществе. Таким образом, дискурс всегда базируется на методе интерпретаций как процессе, в котором каждый из его участников опирается на принцип релевантности (выбора значимых *для него* признаков). А если истину интерпретировать в терминах значимости, тогда то, что в действительности является истинным, будет подвергнуто сомнению, сами сомнения получают статус знаний, а критерием истины таких знаний будут служить те или иные практики, а не общественно-историческая практика, в которой реализуется общественная (в смысле общая) ориентация на социальное развитие.

Подобно тому, как отдельный человек является человеком лишь потому, что живет среди людей, поскольку только в общественной жизни происходит социализация, так и отдельные практики становятся составляющими общественно-исторической практики только потому, что поглощаются ею как исторически ограниченные или отдельные ее случайные проявления.

Таким образом, знание, истинность которого подтверждается отдельными практиками, не является объективным знанием об общественно-исторической необходимости, поскольку в нем присутствует необходимость иного порядка — повседневная. Это означает, что набор имеющихся в обществоведческой науке методологий является скорее не свидетельством об углублении процесса познания, а свидетельством дискурса методологии как воплощенного в научную форму социального конфликта, выраженного в форме конфликта интерпретаций. При таких условиях даже действительно научные объяснения реальности выглядят в глазах ученых как *еще одна* интерпретация. А это уже не иллюзия знания, а иллюзия иного порядка — иллюзия интерпретации как средства достижения истины, что приводит к обращению метода в методейю.

Итак, интерпретация — это дискурсивная практика или методологический анархизм, воплощенный в вербальные коммуникации. Она создает иллюзию коллективного поиска истины, за которой трудно разглядеть анархизм в мыслях, поскольку каждый участник дискурса абсолютно уверен, что в собственной голове все в порядке.

---

¹ Еще раз подчеркнем: не стоит путать с дискуссией или интеркурсом, — коллективным поиском аргументов, свидетельствующих об установлении истины в процессе познания и тем самым готовящих переход к его новому этапу. Дискурс же, как свидетельствуют Лакло и Муфф, никогда не прекращается [Йоргенсен, 2008; с. 26]. Дискурс — процесс анархический. В нем момент относительности, объективно присутствующий в научных знаниях, приобретает абсолютное значение, поэтому он не свидетельствует об истинности тех или иных аргументов, а ориентирует участников на опровержение каждого из них.

Однако в дискурсе действует скрытая система принципов своеобразного упорядочения мнений, возникающих в случае применения анархической методологии, которая якобы направлена против любой возможной догматизации. Впрочем, отметим: если принцип — это не только логическое основание, согласно которому выстраивается та или иная система понятий (идея или теория), но и установка на то или иное конкретное действие, то сами понятия типа *плюральность*, *интерпретация*, *анархизм* и т.п. можно рассматривать и как логические основания, и как установки на способ мышления, которые противоречат способу мышления в рамках классической науки (или собственно науки). Это и установки на специфические социальные действия. Вот почему в упоминавшейся выше статье [Яковенко, 2004] речь шла как раз о системной борьбе с научной классикой, ведь только классика продуцирует действительно системное знание, в котором присутствуют и иерархия знаний, и их мировоззренческий синтез. Оказывается, что борьба с системным знанием сама стала системной, глубоко эшелонированной и осуществляется, как это ни странно, с применением научных методов, в которые вкраплены элементы методей. В таких условиях эмпирическая наука, как многим представляется, оказывается единственно возможным выходом из ситуации, поскольку пока еще обеспечивает достаточный прирост достоверных знаний. Но такая односторонняя ориентация и является одним из проявлений методей, что создает иллюзию самодостаточности эмпирического познания. И если значительная часть обществоведов никогда с таким подходом не соглашалась и писала *ответные работы*, то победа позитивистских установок в головах второй части обществоведов породила не только анархию в понимании социально-культурной нагрузки научных знаний, но и редукцию обществоведческого анализа реальности к естествознанию, что, хоть и не явно, поставило под сомнение социально-историческую нагрузку обществоведения. Сама гуманитарность науки теперь поставлена под сомнение. По этому поводу известно множество, как говорится, остроумных высказываний, не имеющих ни малейшего отношения к реальному научному остроумию. Вот одно из них, принадлежащее выдающемуся физику-теоретику академику Ландау: “Науки делятся на естественные, неестественные и противоестественные”. Гуманитарные науки здесь представляют собой нечто промежуточное между естествознанием и религией, к которой Ландау действительно относился как к противоестественному пониманию реальности. Давно известно, что для значительной части естествоведов обществоведение является если не системой иллюзий, то и не тем, что можно считать реальным знанием. И это не удивительно, ведь методей оказывается тем фактором, который создает иллюзию методологической неполноценности гуманитарного знания.

Сейчас не будем говорить о возможных интерпретациях неопределенного словосочетания *“неестественные науки”*, но что-то ироничное и выскомерное в нем, безусловно, есть. И когда подобное мы слышим от человека с научным авторитетом Ландау, — это уже не совсем ирония, а скорее интерпретация социально-культурной значимости обществоведения как невысокой, а то и вообще никакой.

Вот вам и позитивизм, точнее, его предельно возможная граница.

Между прочим, сам Ландау, как и другие выдающиеся естествоведы, уделял огромное внимание теории и методологии, которые своими гносеологическими функциями выводят их за рамки их профессиональной дея-

тельности — в гуманитарную сферу, в сферу сознания, культуры мышления и мировоззрения.

Вместе с тем культура мышления — это прерогатива преимущественно гуманитарной науки, которая уже потом может реализоваться в естествознании, искусстве, литературе и т.п. Не прямо реализоваться, не непосредственно, а опосредованно через образование, а затем — через право, мораль и другие технологии социализации. Естествознание, разумеется, не остается в стороне, но лишь в той мере, в какой оно является социально ориентированным, то есть сохраняет свою связь с проблемами гуманитарности. И как только эта связь ослабевает, ждите беды.

Методейя, в общем ее понимании, — продукт отрыва духовного производства от гуманитаристики. Это технология власти, но не власти духа (культуры) над природой, а власти одних людей над другими, которая в виде функции внедрена в научный поиск и соответствующим образом корректирует его.

Методейя — это продукт развития науки, направленный против нее же самой. Она вырастает не на пустом месте, но всегда выстраивается как обращенная форма научного познания. Сегодня это происходит за счет упадка реальной научной или классической культуры мышления, вырабатывающейся на уровне фундаментальных исследований. Фундаментальность в науке определяется именно исследованиями методологического порядка, которые ныне переживают упадок.

Позитивистская социология здесь находится на острие атаки на так называемые *общие понятия*, что выражается в редукции общего к частному, общественно-исторической практики — к бесконечному множеству отдельных практик, классов — к бесконечному множеству страт, общественных интересов — к бесконечному множеству частных и т.п. А это — путь к наукообразию, делающий невозможным по-настоящему научное методологическое обеспечение всего комплекса социальных исследований.

То есть перед нами весьма специфическая методологическая ситуация, упорядоченная по принципам борьбы с методом — методейей. И не имеет значения, насколько осознанна эта борьба, то есть является ли она целенаправленной, ведется ли с искренней верой в поиск истины где-то за рамками классической науки.

Кстати, в богословской литературе вопрос методейей стоит достаточно остро, в частности касательно методов сатаны и дьявольского искусства искушения [Хельд, с.а.] или в отношении методики (происков) дьявола, его планов и стратегии.

А поскольку основой научного знания является метод, то методейя — это война против науки, или против метода, ведущего к истинным знаниям.

И не лишне будет знать, что в XX веке религия постепенно отошла от открытого противоборства с научным мировоззрением, но не прекратила самой борьбы, в основном направленной против научного метода и основоположных научных понятий типа истин. По этому поводу можно писать отдельные труды, а мы упоминаем об этом лишь для того, чтобы объяснить следующее: если метод назвать методейей (ложным методом), то действительно ложные методы начинают интерпретироваться как обеспечивающие настоящие знания, вершиной которых является вера в бога — именно вера, а не знание, ведь само достоверное знание в наше время интерпретируют как разновидность веры.

Например: весьма распространено мнение о том, что атеизм — это не мировоззренческая функция науки, выраженная в логике понятий, а разновидность веры. Если так, то и научные знания далеко от этого не ушли. Иными словами, метод и методейя поменялись местами, и методейя стала методом. Так называемая постнеклассическая наука — яркий пример подобного обращения.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Итак, методейя в науке — это метод конструирования своеобразного антиметода, порождающего либо иллюзию возможности альтернативного метода, либо иллюзию невозможности получения достоверных знаний как таковых. Подобное конструирование сначала воплощается в определенной мере отклонения от принципа системности, а вместе с тем и отклонения от всех других принципов научности, согласно которым происходит производство знаний в классической науке. Это, как отмечалось, принципы объективности, достоверности, точности и т.п., отклонения от которых можно назвать когнитивными отклонениями. Если принцип системности в научной классике обеспечивается на категориальном уровне развития научной теории, то системная борьба с этим принципом, как это происходит, например, в позитивизме, обеспечивается видимостью конструирования альтернативных методов, в действительности порождающих ситуацию методологического анархизма; при этом ориентация на право конструировать альтернативный метод интерпретируется как якобы наиболее адекватная научная позиция.

В таких условиях не удивительно, что в научных текстах значительное распространение получил метод, который после Аристотеля можно назвать риторическим методом обоснования. Мы сознательно говорим не о доказательстве, скажем, истинности мнения, а об обоснованности права на мнение. Во времена Аристотеля не таким заметным было противоречие между словом и делом, поэтому между правом и истиной практически не было противоречия. Например, обоснование права в суде и доказательство истины в науке по своей гносеологической нагрузке почти не отличались. Однако мы знаем, что право на мнение не является бесспорным подтверждением его истинности, хотя без убеждения в истинности того или иного положения развитие науки невозможно. Поэтому обращаем внимание на такой описанный Аристотелем в его “Риторике” [Аристотель, s.a.] логический прием, как энтимема (древнегреч. — ἐνθύμημα); это сокращенный силлогизм, или силлогизм с упущенной посылкой. Этот прием может быть и средством логического доказательства истины, и средством убеждения в том, что ошибочное является истинным, поскольку тем самым предлагается домыслить не высказанное вслух. Использование энтимем часто интерпретируется как показатель остроумия. Для нас же главное, что риторика — искусство высказываться — может превращать логику как средство познания в средство морального влияния, науку — в идеологическое средство, которое можно назвать риторическим методом. И хотя классическая наука не лишена идеологической функции, поскольку является формой общественного сознания, при доминировании в ней интерпретативного метода ее идеологическая функция становится средством превращения науки в средство воздействия на общественное сознание с позиций любой идеологии, включая религиозную. Под таким воздействием общественное сознание превращается в массовое.

Идеологическая нагрузка науки как формы общественного сознания, рассматриваемой в этом контексте, является культивированием достоверных знаний, умения их вырабатывать, сохранять и использовать на практике. Именно это свойство классической науки подрывает основы современной политической и экономической власти. Здесь на помощь приходит методейя.

Между прочим, в теории аргументации под энтимемой понимают неполный аргумент, невысказанные части которого интерпретируются как очевидные. Иначе говоря, это метод обобщения. Но, например, когда в позитивизме утверждается в качестве очевидной невозможность операционализации общих понятий, продуцируется иллюзия их ненаучной природы, что является некорректным обобщением [Николаенко, 2012]. Здесь мы можем добавить, что в научном понятии сняты в идеальной форме не только логически обобщенные признаки изучаемых явлений, но и социально-практически обусловленная **способность субъекта познания** к этим обобщениям. Таким образом, научное понятие — это единство объективного и субъективного, что обеспечивает неуклонное развитие познания, где ориентация субъекта познания на максимально возможную объективность является выражением его ориентации на максимально возможное развитие его как субъекта.

Методейя же, напротив, через редукцию общего к частичному, общественного к частному, истинного к прагматичному меркантилизует познавательный процесс и тем самым создает условия для превращения науки в средство власти.

Без общего понятия как формы мышления не существует отдельных понятий как форм достоверного знания о чем-либо. Первое операционализации не подлежит, поскольку является понятием о понятии (категорией), а второе — подлежит, и именно с ним работают операционалисты, редуцируя субъективную составляющую понятий (например, самого субъекта познания, включая уровень его научного профессионализма) к арифметической сумме признаков, значимых только лишь для данного исследования и не более того.

Значит, то, что допустимо в риторике, в науке недопустимо. В риторике основаниями для доказательства (убеждения) могут быть не только объективные или возможные начала, но и аллюзии, ассоциации, моральные установки и пристрастия отдельных ученых или групп ученых.

Кстати, ориентация на релевантность тоже является переходом к риторическому методу, поэтому остается элементом или разновидностью методейи. А что касается метода интерпретаций, то это всего-навсего другое название риторического метода.

Одним словом, там, где мы встречаемся с претензией на конструирование альтернативного метода, который якобы может прийти на смену диалектике (например, этнометодология, понимающая социология, феноменология и т.п.), там и скрывается методейя как принцип борьбы с научной классикой. В таких случаях аспект реальности, требующий определенного уточнения метода, начинают интерпретировать как особую методологию, чем порождают новые иллюзии. В действительности это не новые методологии, а лишь очередная попытка поиска новой технологии интерпретации реальности и еще одно поле дискурса.

В каждой такой попытке имеется так называемое рациональное зерно, но его смысл состоит лишь в том, что автор или группа авторов обращают внимание либо на еще не изученный аспект реальности, либо на еще не заявленный способ его возможной интерпретации. Эти интерпретации конструи-

ируются так, что обязательно включают ту или иную новую иллюзию, а то и сразу несколько. Говоря это, мы ни в коем случае не пытаемся встать на сторону своеобразного социологического скептицизма; мы лишь еще раз обращаем внимание на то, что диалектикам давно известно: познавательный процесс всегда сопровождается заблуждениями, если исследователь впадает в крайности, допускает логические ошибки или обращается к вненаучным методам обоснования мнений.

В заключение отметим, что:

- методологический анархизм в науке в целом и в социальных науках и социологии в частности весьма распространен;
- попытка доказать, как это делает, в частности, Поль Фейерабенд, что методологический анархизм — единственно возможная научная методология, — одна из методологических иллюзий;
- методологический анархизм — это одновременно и результат распространенных в науке иллюзий, и средство их продуцирования;
- методологические иллюзии — это формы когнитивных отклонений в мышлении ученых;
- видимая методологическая несогласованность множества теорий в действительности оказывается четко выстроенной системой положений, связанных между собой идеей борьбы с научным методом, где господствует метод обращения науки против самой себя, имеющий название “методея”.

Источники

Аристотель. Риторика [Электронный ресурс] / Аристотель. — Режим доступа : <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt>.

Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Электронный ресурс] / Г. Гадамер. — М., 1988. — 365 с. — Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf.

Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс; пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Х. : Гуманитарный центр, 2008.

Николаенко Л.Г. Идеологические мифы социологического операционализма: проблемы культуры социологического мышления / Л.Г. Николаенко // Проблемы розвитку соціологічної теорії : матеріали конф. — К., 2012.

Николаенко Л.Г. Співвідношення поняття та категорії як форм мислення (до питання про діалектику логічного та історичного) / Л.Г. Николаенко // Актуальні і культурологічні проблеми сучасності. — 2002. — Вип. 9.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Электронный ресурс] / П. Рикер. — Режим доступа : http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=834&art_id=5959.

Россиус Ю.Г. О теории интерпретации Э. Бетти [Электронный ресурс] / Ю.Г. Россиус. — Режим доступа : <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp17/5.pdf>.

Хельд А. Война в раю: Бытие 2–5. Адам, Ева и змей [Электронный ресурс] / Армин Хельд. — Режим доступа: vk.com/doc-20696081_306970449?dl=5ec7d82a514645155a.

Шюц А. Размышления о проблеме релевантности / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. — С. 235–401.

Яковенко Ю.І. Соціологія без методології: ефект відсутності як страх перед вибором / Ю.І. Яковенко, Л.Г. Николаенко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. — 2013. — Вип. 9. — С. 25–39.

Яковенко Ю.І. Соціологія на роздоріжжі: методологія чи емпірія? / Ю.І. Яковенко, Л.Г. Николаенко, А.К. Яковенко // Психологія і суспільство. Український теоретико-методологічний соціогуманітарний часопис. — 2014. — № 2. — С. 47–65.